

Греческий патриотизм в контексте *pax Romana*: полисные традиции и имперские реалии

Махлаюк, Александр Валентинович — доктор исторических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Российская Федерация, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; e-mail: makhl@imomi.unn.ru.

В статье рассматриваются содержание и особенности греческого патриотизма как многогранного духовного феномена в контексте имперских реалий. Этот патриотизм, ориентированный в первую очередь на родной полис, был идеологической, эмоционально-психологической и практической реальностью, которую нельзя не учитывать, говоря о поведенческих мотивах полисных элит, о моделях адаптации греческого мира к условиям мировой державы. Сохраняя партикуляристские традиции и систему понятий, описывающих чувство любви к родине, греки римского времени сберегали свою культурную идентичность, но вынуждены были переосмысливать само понятие «отчизна» и менять формы служения ей. Как в общих рассуждениях о любви к отечеству, так и в индивидуальных биографических фактах и самохарактеристиках греческих авторов эпохи Империи вполне определенно присутствует патриотизм, так сказать, полисного типа, который выражается в привязанности к родному городу, в связи с его гражданскими традициями и который вполне органически сочетался с патриотическими чувствами по отношению к более широкой общности или к другим городам и не противоречил успешной карьере на общеимперском уровне. В политических реалиях Римской империи этот патриотизм находил реализацию в исполнении гражданских обязанностей, литургий и актов эвергетизма. Он утратил свойственный патриотизму классической эпохи акцент на первенстве общегражданских целей над частными интересами, на самопожертвовании и воинских ценностях, которые теперь замещаются ценностями культурными. От благорасположения императорской власти теперь зависели почести и престиж отдельных городских общин, и это ощущение ограниченности полисной самостоятельности подсудно или явно присутствует в суждениях греческих интеллектуалов, писавших о любви к «малой родине».

Ключевые слова: патриотизм, отечество, Греция, Римская империя, полис, интеллектуалы, идентичность.

Greek Patriotism in the Context of *pax Romana*: The Polis Traditions and Imperial Realities

Makhluyuk, Aleksandr Valentinovich — Doctor of History, Professor, N.I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University; 23, pr. Gagarina, Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation; e-mail: makhl@imomi.unn.ru.

Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 18.2. 2018. С. 116–141.
© А. В. Махлаюк

The article explores the content and peculiarities of Greek patriotism as a multifaceted spiritual phenomenon in the context of imperial realities. This patriotism, focused primarily on native polis, was an ideological, emotional, psychological and practical reality that cannot be ignored in dealing with the behavioral motives of the polis elite, the models of adaptation of the Greek world to the conditions of the Roman imperial state. While preserving particularistic traditions and a system of concepts that concern the feeling of love for the motherland, the Greeks of Roman times maintained their cultural identity but were forced to rethink the very concept of «fatherland» and to change the forms of service to it. The general considerations about the love for the fatherland as well as the individual biographical facts and self-representations of the Greek authors of the imperial era reveal a patriotism of a polis type expressed in attachment to the native city, in connection with its civil traditions. This patriotism was combined with patriotic feelings towards a broader community or to other cities and did not contradict to a successful career at the empire-wide level. Within the political realities of the Roman Empire this patriotism was manifested in carrying out of civic duties, liturgies and acts of evergetism. It lost the accent on the primacy of common civilian goals over private interests, on self-sacrifice and military virtues, which were replaced with cultural values. The honours and prestige of the individual city communities now depended on the benevolence of the imperial power, and the sense of limited political independence was implicitly or explicitly present in the judgments of Greek intellectuals who wrote about the love for the «small homeland».

Keywords: patriotism, fatherland, Greece, Roman Empire, polis, intellectuals, identity.

Любовь и привязанность к родине — то, что сейчас называется патриотизмом и что древние греки именовали «отчизнолюбием» (φιλοπατρία или τὸ φιλόπατρι), а римляне — amor patriae — безусловно, относится к числу основополагающих ценностей античного общества, основанного на гражданской общине полисного типа. На это чувство как на само самой разумющееся качество честного человека указывает Полибий, ставя любовь к отечеству в один ряд с привязанностью к друзьям: «...человек добропорядочный обязан любить своих друзей и свое отечество, разделять их ненависть к врагам и их любовь к друзьям»¹. Близкое (но не тождественное) родному городу-государству (полису, civitas) и этнической общности или месту рождения, греческое понятие πατρίς связано в первую очередь с полисным партикуляризмом, определявшим историческое бытие эллинов в классическую эпоху, но со временем трансформировалось и стало распространяться и на всю Элладу как общую родину всех греков. Несмотря на попытки отдельных историков оспорить наличие у древних греков самого понятия любви к отечеству, противопоставив ему приверженность политической «партии» или группе², вряд ли подлежит сомнению, что эллинский полисный патриотизм

¹ Polyb. I. 14. 4: ...καὶ γὰρ φιλόφιλον εἶναι δεῖ τὸν ἀγαθὸν ἄνδρα καὶ φιλόπατριν καὶ συμμισεῖν τοὺς φίλους τοὺς ἐχθροὺς καὶ συναγαπᾶν τοὺς φίλους. Здесь и далее тексты даются в нашем переводе, если не указаны другие переводчики.

² Пожалуй, наиболее радикально такая точка зрения выражена в работе: Chroust 1954, 280–288. По мнению автора, понятие Vaterlandsliebe или было вообще чуждо древним грекам, или имело совсем другое значение, нежели современное понятие патриотизма в моральном смысле слова.

существовал и исторически менялся, начиная с Гомеровского времени, приобретая новые формы своего проявления и ценностно-идеологическое наполнение в конкретных исторических условиях.

Классический эллинский патриотизм, рассмотренный в фокусе такого ключевого понятия, как *πατρις*, в его соотношении с категориями «полис» и «этнос», и представления о нерасторжимой связи с родной «почвой», предками, о родстве сограждан и эллинов в целом не так давно стали предметом монографического исследования В. Сабийот Куше, которая проследила истоки, содержание и проявления соответствующих идей от Гомеровского времени до IV в. до н.э., обратив внимание на эмоциональный, аффективный характер соответствующего политического дискурса, конструирующего идентичность через ассоциацию с определенным пространством, в котором «отечество» предстает как своеобразная форма политического родства, которое, в отличие от понятия «полис», указывающего на институциональную общность, и понятия *κοινων*, обозначающего практическое сообщество, выступает как некое воображаемое сообщество (*la communauté pensée*)³. В русскоязычной историографии проблемы патриотизма в классической Греции были подняты в работах таких авторитетных специалистов, как С.Г. Карпюк и Х. Туманс. По мнению С.Г. Карпюка, который исследовал представления о патриотизме в сочинениях Фукидида и Ксенофонта⁴, можно говорить о двух патриотизмах: традиционном полисном, являющимся идеалом, и новом «софистическом», который основывается на принципе «ubi bene, ibi patria». Х. Туманс, полемизируя с этой точкой зрения, в определении сущности патриотизма исходит из такого критерия, как готовность и способность индивида подчинить свои интересы интересам своей родины, и приходит к выводу, что следует говорить о классическом полисном патриотизме в противоположность двум видам непатриотического поведения — «предполисного» и «постполисного», хотя автор и признает существование наряду с полисным патриотизмом патриотизма общегреческого⁵. Не включаясь в эту интересную полемику, отметим, во-первых, верную, но не получившую развития мысль Х. Туманса о существовании наряду с полисным патриотизмом общегреческого, а во-вторых, недостаточную ясность идеи о «постполисном» патриотизме; в-третьих же, не согласимся с его утверждением, что у древних греков не было «ни нашего понятия патриотизма, ни термина соответствующего, ни даже текстов, поющих любовь к отечеству в привычном для нас смысле». Если выйти за рамки архаической и классической Эллады, то, как мы постараемся показать далее,

³ Sebillotte Cuchet 2006b. См. также: Sébillotte 1999, 7–25; Sebillotte Cuchet 2006a, 127–131.

⁴ Karpyuk 2010; Karpyuk 2014a; Karpyuk 2014b.

⁵ Tumans 2012.

у греков были и соответствующие понятия, и рассуждения об «отчизнолюбии», и патриотические чувства, аналогичные современным, причем в ту эпоху, когда эллинские полисы в составе восточных провинций Римской империи окончательно лишились былой независимости, а представители верхушки греческих городов постепенно всё больше включались в имперские структуры, приобретая римское гражданство и занимая высокие посты не только на провинциальном уровне, но и в сенате и императорском окружении, в связи с чем сама греческая идентичность (Greekness) оказалась перед серьезными вызовами. Притязая на особые отношения с императорской властью, перенимая некоторые римские ценности и порядки и преследуя при этом вполне корыстные материальные интересы, греческие городские центры (прежде всего в лице своих элит) тем не менее продолжали сохранять и воспроизводить институты и традиции полисного общежития, культивировать полисные и «национальные» ценности, которые, с одной стороны, служили оправданием соответствующих притязаний правящих кругов, а с другой, не позволяли провинциальным грекам превращаться в римлян, подобно тому, как это происходило, скажем, с жителями Галлии, Испании и других западных областей Империи, широко и более или менее бесконфликтно перенимавшими римский образ жизни и латинский язык. Такое положение греков в Римской империи удачно характеризует выражение, которое Грег Вульф использовал в качестве заголовка одной из своих работ: *Becoming Roman, Staying Greek* — «становиться римлянами, оставаясь греками»⁶. Более того, несмотря на порой драматические перипетии личностной и коллективной самоидентификации, когда возникали противоречивые комбинации множественных «имперских», «локальных», «этнических» и «культурных» идентичностей (*multiple, multi-faceted identities*, как принято обозначать этот феномен в современных исследованиях⁷), есть, думается, все основания говорить о подъеме эллинского патриотизма в условиях так называемого Греческого возрождения первых веков н.э. Этот эллинский патриотизм, связанный с деятельностью городских эвергетов, с увлечением старинными традициями и прославлением героического прошлого Эллады, неизменно констатируется в обширной литературе, посвященной социально-политической культуре греков в эпоху Римской империи⁸, но, насколько я могу судить, его специфика еще не была предметом специального разностороннего изучения⁹, в отличие от того патриотизма, ко-

⁶ Woolf 1994.

⁷ Jones 2004, 13–21; Yildirim 2004, 23–52.

⁸ См., в частности, полезные обзоры с указанием наиболее важных работ: Heller 2009, 341–373; Rizakis 2015, 143–159.

⁹ Вопрос о патриотизме греческих интеллектуалов как факторе, определявшем их отношение к римской власти, был недавно поставлен Дж. Мадсенем, который прослеживает

торый получил распространение в городах западной части Римской империи и, при всем сходстве с полисным патриотизмом греков, имел свои особенности¹⁰.

Современные историки отдают явное предпочтение проблематике идентичности и этничности. Эти исследовательские категориям, столь популярные в настоящее время, действительно продуктивны для понимания культурно-исторических процессов в полиэтнической мировой державе¹¹, в которой противоречиво сочетались имперски-нивелирующие, универсалистски-космополитические тенденции и — отчасти как реакция на них — подчеркнута «почвеннические», консервативно-ностальгические этнокультурные установки. Однако иногда чрезмерное акцентирование идентичности приводит к чересчур категорическим выводам, как, например, в работе К. Джонса, который, подробно разбирая отношения к родным городам и к Элладе в целом таких авторов, как Элий Аристид и Павсаний, полагает, что так называемый эллинский патриотизм, являвшийся, по мнению ряда ученых, во многом результатом оппозиции греческого и римского миров, есть не более чем химера, поскольку в реальности идентичность (этническая и культурная) греческих интеллектуалов была многослойной и «эллинство» составляло только один из ее аспектов, наряду с принадлежностью к провинции или исторической области, и само понятие «эллин» имело разные коннотации в различных местах Империи¹². Раз-

главным образом совмещение в известных фигурах Греческого Возрождения различных идентичностей, но не затрагивает его ни истоков, ни конкретных проявлений, ни сущности собственно патриотизма: Madsen 2014a, 16–38. См. также: Madsen, 2009.

¹⁰ Le Roux 2002, 143–161.

¹¹ В числе наиболее важных работ, специально рассматривающих различные аспекты греческой идентичности в Римской империи, можно указать: Veyne 1999, 510–567; Goldhill 2001; Ostenfeld 2002; Eckhard 2002; Whitmarsh 2010; *The Struggle for Identity: Greeks and their Past in the First Century BCE* / Ed. Th.A. Schmitz, N. Wiater. Stuttgart, 2011; *Raja R. Urban Development and Regional Identity in the Eastern Roman Provinces, 50 BC–AD 250: Aphrodisias, Ephesos, Athens, Gerasa*. Copenhagen, 2012; *Creating Ethnicities and Identities in the Roman World* / Ed. A. Gardner, E. Herring, K. Lomas. London, 2013; *Fündling J. Griechenlands Identitäten in den Grenzen des Prinzipats. Ein Ausblick auf Rahmenbedeutungen und Probleme // Athen und/oder Alexandria?: Aspekte von Identität und Ethnizität im hellenistischen Griechenland* / Hg. K. Feitag, Chr. Michel. Köln; Weimar; Wien, 2014. S. 210–294. В отечественной литературе данная тема затрагивается только на материале классической Эллады в статье: Frolov 2009, 53–59.

¹² Jones 2004, 18. Ср. с выводами Ш. Экхарда, который на материале малоазийских провинций показывает, что греки ощущали себя прежде всего гражданами конкретного полиса, но одновременно и членами этнической области, связанной с определенным ландшафтом, и эллинского мира как культурной общности, и подданными Империи как политической общности. При этом автор использует понятие «полисный патриотизм», но только в кавычках (Eckhard 2002, 258–260).

умеется, понятия «идентичность» и «патриотизм» тесно друг с другом связаны, и одно вовсе не исключает другого. При этом второе понятие может быть не менее многогранным (и разнородным), но отсылает в большей степени к эмоциональной сфере¹³ и по самой своей сути и этимологии непосредственно соотносится с определенным культурно-историческим и географическим пространством, с чувством родственной сопричастности к некоей общности, ассоциируемой с данным пространством. Иными словами, патриотизм — это эмоционально переживаемая и побуждающая к действию самоидентификация с реальным или воображаемым сообществом и конкретным местом происхождения или проживания. Отдавая себе отчет в многообразии проявлений, уровней и вариантов патриотических чувств и соответствующего дискурса, мы попытаемся определить некоторые обобщенные характеристики и особенности эллинистического патриотизма (прежде всего *полисного*) как многогранного духовного феномена в контексте имперских реалий, в том числе и в аспекте отношения к императорской власти тех греческих интеллектуалов, которые были главными носителями и выразителями комплекса нормативных представлений о любви к родине, будь то отдельный полис или греческий мир в целом, с его прошлым и культурой, в противоположность миру негреческому. Наконец, к теме эллинистического патриотизма важно также обратиться и с точки зрения того ключевого для имперской идеологии процесса, который К. Андо определяет как «преобразование *imperium*, как совокупности завоеванных провинций, в *patria*, как средоточия патриотической лояльности ее подданных»¹⁴. В данной статье мы обратимся главным образом к литературным источникам, поскольку обширный эпиграфический материал, в котором получили отражения представления о любви к отечеству, заслуживает специального рассмотрения, и ему стоит посвятить отдельное исследование, как и патриотизму *общегреческому*, связанному с греческой культурой и историей.

* * *

Одно из наиболее ярких во всей в античной литературе определений патриотизма как возвышенной любви к отечеству принадлежит философу-стоику первой половины II в. н.э. Гиероклу¹⁵. В отрывке из трактата «О том,

¹³ Ср.: Le Roux 2002.

¹⁴ Ando 2000, xi; ср. 19. Если для римских граждан сам город Рим выступал в юридическом смысле как *communis nostra patria* (Dig. 50. 1. 33; ср. 48. 22. 18), то Элий Аристид идет еще дальше, провозглашая, что именно Рим, создав мировую державу, доказал, что земля является «общей родиной для всех» — *πατρίς κοινὴ πάντων* (Or. 26. 101). Таким образом, возникает вопрос о соотношении греческого патриотизма с той универсалистской идеологией, которая, несомненно, получила развитие в эпоху Римской империи.

¹⁵ *Vir sanctus et gravis*, «муж добродетельный и почтенный», называет его Авл Гел-

как надлежит относиться к отечеству» (Πῶς πατρίδι χρηστέον), сохранившемся в «Антологии» Иоанна Стобея (Stob. Flor. III. 39. 34; p. 730, 17–731, 15 Wachsmuth and Hense), он так определял возвышенный патриотический идеал:

«После рассуждения о богах самое правильное — поставить вопрос о том, как надлежит относиться к своей отчизне (πατρίς), ибо она является для нас как бы вторым божеством либо — клянусь Зевсом! — даже первым и наиглавнейшим родителем. Именно поэтому тот, кто назвал его таким образом, поступил весьма толково, ибо произвел [это наименование] от [слова] “отец”, но использовал женский род, с тем чтобы оно предстало как некое смешение отцовского и материнского <начал>. Это слово побуждает нас почитать [нашу родину], которая у нас одна, наравне с обоими родителями, так что мы отдаем предпочтение отчизне перед каждым из наших родителей в отдельности, но при этом даже их обоих вместе не чтим больше его, а скорее оказываем им равное уважение. Заложен, однако, в этом слове и другой смысл, поощряющий нас почитать отчизну больше, чем обоих родителей вместе взятых, и не только их, но и, наряду с ними, больше, чем жену, и детей, и друзей, больше, одним словом, всего прочего, за исключением богов»¹⁶.

В другом отрывке (Stob. Flor. III. 39. 36; p. 733, 7–734, 10 Wachsmuth and Hense) философ подчеркивает, что тот, кто истинно любит отечество, должен не только соблюдать его законы, уважая их, как если бы это были вторые боги, но и противодействовать любым попыткам их преступить или изменить, а также в не меньшей степени чтить отеческие обычаи (τὰ ἔθη), которые, возможно, древнее самих законов и близки к естественному праву (ἰσως

лий (IX. 5. 8). Этот Гиерокл, как показал в свое время Г.Ф.А. фон Арним, тождествен с автором сохранившегося на папирусе трактата «Элементы этики»: Von Arnim, Schubart 1906. См. также: Philippson 1933, 97–114.

¹⁶ Μετὰ τὸν περὶ θεῶν λόγον εὐλογώτατόν ἐστιν ὑποθέσθαι πῶς πατρίδι χρηστέον. ἔστι γὰρ ὡσανεὶ δευτέρος τις θεὸς αὐτῇ <ἢ> νῆ Δία πρῶτος καὶ μείζων γονεὺς παρ’ ὃ δὴ καὶ ὁ τοῦνομα τῷ πράγματι θέμενος οὐκ ἀνεντροχῆς ἔθετο, παρασχηματίσας μὲν τῷ πατρὶ, θηλυκῶς δ’ ἐξενεγκῶν, ἵν’ οἷον μίγμα τυγχάνοι τῆς τε τοῦ πατρὸς καὶ τῆς μητρῶας <ἀξίας>. καὶ δὴ οὗτος μὲν ὁ λόγος ὑπαγορεύει πατρίδα τιμᾶν ἐπίσης τοῖς δυοῖν γονεῦσι τὴν μίαν, ὥστε θατέρου μὲν τῶν γειναμένων ὁποτερουοῦν καὶ δὴ προκρίνειν τὴν πατρίδα, προτιμᾶν δ’ αὐτῆς μηδ’ ἅμα τοὺς δύο, δι’ ἴσης δὲ μοίρας ἄγειν. ἀλλ’ ἕτερος αὖ λόγος ἐστίν, ὅς παρακαλεῖ καὶ προτιμᾶν αὐτὴν τῶν γονέων ἅμα τοῖν δυεῖν, καὶ οὔτοι μόνον τούτων, ἀλλὰ καὶ γυναικὸς σὺν αὐτοῖς καὶ τέκνων καὶ φίλων καὶ ἀπαξιαπλῶς μετὰ θεοῦς τῶν ἄλλων ἀπάντων. Текст приводится по: Ramelli 2009, 68.

δέ που καὶ τοῖς φύσει δικάοις ἐγγύς βάλλων). Как бы отрывочны ни были сохранившиеся суждения Гиерокла, в них фиксируется безусловный приоритет отечества по отношению к родственным и дружеским узам, равно как и неразрывная связь такого патриотизма с законами и обычаями родины. Такая позиция явным образом расходится с тем, по сути космополитическим, идеалом, который выдвигал основатель стоической школы Зенон полагавший, что люди должны жить не особыми городами и общинами, но общей жизнью и единым распорядком, считая всех своими земляками и согражданами (Fr. 262 = Plut. De fort. et virt. Alex. 6 = Mor. 329A).

Не менее красноречиво, чем у Гиерокла, звучат и рассуждения Лукиана в его небольшом сочинении «Похвала родине»¹⁷, представляющем собой, скорее всего, риторическое упражнение и посвященном той же теме, которая, возможно, была особенно близка ему как человеку, родившемуся в сирийской Самосате и проведшему большую часть жизни на чужбине¹⁸. Он также ставит почитание отечества на первое место, считая, что родину любят все (Pat. enc. 1), и тоже связывает понятия «отечество» и «отец», отдавая приоритет первому, ибо «сам отец — достояние отечества, и отец отца и за ним другие», вплоть до «богов отечественных» (4. Пер. Н. П. Баранова). По словам Лукиана, даже боги питают особую любовь к тем городам, где они возникли (5). Явно идеализируя реальность, он утверждает, что «все свои навыки, все на-

¹⁷ Об источниках и топики этого сочинения см.: Wilhelm 1928, 396–416. Его культурно-исторический, политический и идеологический контекст рассмотрен в работах: Gascy 1998, 47–50; S6nchez Hern6ndez 2009, 163–181. X. Санчес Эрнандес на основе анализа стиля и топосов стремится доказать, что это сочинение Лукиана не было обычным риторическим упражнением, как принято считать, но представляет собой сатиру на политическую жизнь греческих городов; ироническая смесь литературных цитат и пародий на формулы почетных надписей и декретов имеет целью разоблачить реальную социокультурную подоплеку современной автору городской элиты как патриотов (цилпрбфсидет), ограниченность ее политической жизни и пустоту почестей, по контрасту с гражданским идеалом патриотизма, сформулированным в платоновском диалоге «Критон». Такая трактовка, однако, не кажется нам достаточно убедительной. Формульные совпадения в эпиграфике и тексте Лукиана вполне объяснимы общностью риторического дискурса почетных декретов и эпидейктического красноречия. Кроме того, Лукиан ни словом, ни полунамеком не касается, казалось бы, наиболее уязвимого для критики (сатиры) момента, характерного как для надписей, так и для политических позиций городских элит, — акцентированного выражения лояльности императору и Риму.

¹⁸ По мнению П. Бонпэра, Лукиан привносит в это сочинение и личные мотивы, обновляя тем самым жанр энкомия на традиционную тему (Bompaire 1998, 4). О неоднозначной идентичности Лукиана см.: Whitmarsh 2001a, 122–128; Swain 2007, 18–44; Gassino 2009, 551–559.

уки накапливают люди... за тем, что полезнее хотят этим сделать себя для родных городов; и богатства приобретают, ревнуя о чести истратить их на общее благо отчизны»¹⁹ (7). Более того, даже те, кто удостоился почета в чужих краях, стремятся достичь отечества (8). Таким образом, автор, помимо прочего, подчеркивает неразрывную связи патриотического чувства с практикой эвергетизма и при этом прямо связывает любовь к отчизне с привязанностью к самой ее земле, «даже если она не обширна и камениста и плодородной почвой скудна» (10), но, что характерно, ничего не говорит ни о гордости ее высокими достижениями, ни о самопожертвовании ради ее блага.

Конечно, в греческой литературе императорского времени звучали и вполне космополитические идеи в духе классического стоицизма или кинизма, согласно которым земля и, шире, космос являются общим отечеством для любого человека, как в приведенном выше фрагменте Зенона. Так, Плутарх в трактате «Об изгнании», утешая своего юного друга Менемаха из Сард²⁰, называет его ссылкой «переменной так называемой родины» — *μετάστασις ἐκ τῆς νομίζομένης πατρίδος*, ибо люди в действительности имеют свой естественный дом не на этой земле, но на небесах; и в подтверждение этого тезиса он ссылается на Платона и стоика Аристона, а также на слова Геракла в одной из трагедий, называющего своим домом всю Грецию, а не какой-то один город²¹, и на Сократа, якобы считавшего себя частью космоса (κόσμος)²². Человек же вполне может процветать, если решается покинуть свою малую родину (De exil. 5–6 = Mor. 600E–601D). Впрочем, Плутарх далее заявляет, что не следует с легкостью покидать отчизну, даже если она не лишена недостатков, но коли уж судьба лишает человека родных мест, он может свободно вы-

¹⁹ Именно такая щедрость со стороны рядовых граждан полиса воспринималась как истинное «отчизнолюбие»: в рассказе о жизни Перегрин Протея Лукиан сообщает, что когда тот объявил народу своего родного города Пария, что дарит ему все оставшееся от отца имущество, собрание, «состоявшее из людей бедных и жадных до всякой денежки», провозгласило его «единственным человеком, любящим свою родину» — *ἕνα φιλόπατριν* (De morte Pereg. 15; пер. Н. П. Баранова). Разумеется, любовь к отечеству в глазах простых граждан могла быть связана и с другими качествами и поступками лидеров полиса. Примечательно, что эпитета *φιλόπατρις* в романе «Херия и Каллироя» Харитона удостоивается городской магистрат, который откликается на просьбу народного собрания спасти главного героя и помочь ему жениться на героине (Charit. Chaireas et Kallirhoe. I. 1. 11–12). Об этом эпизоде в связи с эмоционально окрашенным политическим дискурсом, характерным для полисов императорского времени см.: van Nijf 2014, 358–359.

²⁰ Анализ этого сочинения Плутарха: Nesselrath 2007, 87–98.

²¹ TrGF. Adesp. 392.

²² Ср.: Cic. Tusc. disp. 5. 108; Muson., p. 42.1 sq. Hense; Epict. Diss. I. 9. 1. О таком радикальном «космополитизме» Сократа в источниках IV в. до н.э. ничего не известно.

брать себе другое по своему вкусу, которое со временем станет его домом: в самом деле, лучше жить там, где не приходится постоянно подвергаться дорогостоящими литургиями, предпринимать посольства в Рим и ожидать римского наместника²³ (De exil. 8 = Mor. 602A–C).

Той же теме — как относиться к изгнанию — посвящена и речь софиста Фаворина из Арелата, сохранившаяся со значительными пропусками на папирусе (Pap. Vat. Gr. 11)²⁴. В ней оратор, который, вероятно, и сам подвергся изгнанию, после того как утратил благорасположение императора Адриана²⁵, прибегает в целом к стандартной аргументации кинико-стоического толка, мифологическим и историческим примерам, подобным тем, что использованы у Плутарха. В одном из пассажей (De exil. 10. 1–2) он утверждает, что также любит свою родину (πατρίς) и никогда бы не покинул ее добровольно, но, размышляя, пришел к заключению, что она — ничто иное, как место, где поселились и жили его предки. Родина — это не та страна, где родились мы сами, ибо многие люди, родившись в одном месте, отечеством (πατρίς) своим считали другое. Если наша родина — это земля (χωρίον), к которой привязались наши предки, то почему бы и нам так же не полюбить ту страну, где мы сейчас находимся? Ведь та земля, где живешь, гораздо ближе той, где обитали предки; и будущие потомки по той же причине будут считать мое вынужденное местопребывание своим отечеством. Далее Фаворин замечает, что если углубиться в древнейшую историю (εἰς τὸ παλαιότατον ἀρχαιολογῆς), то окажется, что все являются чужеземцами и изгнанниками (10. 3), что подлинных автохтонов не существует, а земля в целом является для всех матерью и кормилицей (10. 4). Такой подход явным образом контрастирует с той высокой оценкой автохтонности афинян, которую дает в надгробной речи Демосфен (Or. 60. 4; ср. Thuc. II. 36. 1), подчеркивая, что афинские граждане исконно связаны с самой почвой своего отечества: если для Демосфена граждане биологически соединены со своей πατρίς, то для Фаворина она — всего лишь имя, которое дается месту, случайно заселенному и ставшему привычным²⁶. Понятно, что космополитическая по своей сути позиция Фавори-

²³ На практике, как мы увидим ниже, сам Плутарх следовал иному пути.

²⁴ Ее анализ см.: Nesselrath 2007, 99–108; Whitmarsh 2001b, 297–303.

²⁵ В современной литературе, однако, преобладает мнение, что данная речь не носит автобиографического характера и относится, скорее, к разряду софистических декламаций, хотя речь ведется от лица человека, находящегося в изгнании (например: Gleason 1995, 148; Bowie 1997, 5; Holford-Strevens 1997, 196). В пользу автобиографичности высказывается: Amato 2000, 43–50; Amato 2003, 101–104. См. подробнее: Nesselrath 2007, 99–100, nn. 45–47 (с литературой; сам автор склоняется в пользу фиктивности речи).

²⁶ Whitmarsh 2001b, 302.

на обосновывается несколько иными доводами, нежели у Плутарха, но примечательно, что и у того, и у другого она выглядит скорее оправданием, нежели проповедуемой ценностью: первичным благом для них все-таки является привязанность к отечеству, покинуть которое без сугубой нужды (или принуждения) нормальному человеку просто не приходит в голову.

Так или иначе, но те патриотические установки, которые выражены в сочинениях Гиерокла и Лукиана, несомненно, восходят ко временам греческой классики, когда собственно полисный (= гражданский) патриотизм получил свое наиболее полное развитие, выразившись в образцовых примерах беззаветного, вплоть до самопожертвования, служения отечеству, преданности родной земле и гражданскому коллективу. Чтобы понять, какие изменения претерпели эти патриотические установки в условиях Римской мировой державы, стоит обратиться к известным фактам из жизни некоторых греческих интеллектуалов, которые так или иначе задавали определенные образцы поведения своим современникам.

* * *

Пожалуй, наиболее показателен в данном отношении пример Плутарха, уроженца и гражданина маленького беотийского города Херонеи, жреца Аполлона в Дельфах и эпимелета Дельфийской амфикистии, римского гражданина всаднического сословия, носившего имя Луций (?) Местрий Плутарх (Syll.³ III, 829A), удостоенного Траяном консульских отличий (ornamenta consularia) и уже в старости назначенного Адрианом прокуратором Ахайи²⁷. В жизнеописании Демосфена он не без иронии пишет о себе: «... Мы же живем в маленьком городе и, чтобы он не сделался еще меньше, остаемся в нем по любви к нему (φιλοχωροῦντες)²⁸» (Plut. Dem. 2. 2; пер. С.С. Аверинцева). И это при том, что он, неоднократно бывая в Риме, имел хорошие связи в высших слоях римского общества²⁹, а во второй половине жизни стал гражданином Афин (Quaest. conv. I. 10. 1), куда его влекла приверженность платоновской Академии. Такая верность родному городу была для Плутарха органической потребностью³⁰ и вполне осознанным выбором, который диктовал

²⁷ См.: Syncell. 659 Dind. (= Euseb. Chron., p. 415, no. 198a Helm²); Suda. Π 1793 Adler. Первая почесть, дававшая ее обладателю ранг консуляра, упоминается только в словаре Suda, и получение ее Плутархом вызывает сомнения у некоторых исследователей (Swain 1996, 171–172). Более сомнительно назначение императорским прокуратором, хотя, возможно, здесь имеется в виду не административная должность, а почетная (Jones 1971, 34).

²⁸ Здесь Плутарх использует очень характерную для него фигуру *pluralis modestiae* (Averintsev 1968, 70).

²⁹ О римских связях Плутарха см., например: Stadter 2014, 13–31.

³⁰ Averintsev 1968, 70.

ся как его философскими воззрениями, так и, по всей видимости, искренним чувством привязанности к «малой родине». В одном из фрагментов «Моралий» он ссылается на распространенное мнение, что в силу естественной связи (διὰ τὴν κατὰ φύσιν σχέσιν) родной город ближе человеку, даже если в другом городе он получает больше почестей, и одобряет слова Панэтия, заявившего в ответ на предложение афинян даровать ему афинское гражданство, что разумному человеку достаточно одного города (Plut. Mor. Fr. 86 = Panaet. Fr. 27 Straaten). Есть все основания полагать, что Плутарх в своей приверженности родному полису, выглядевшей, вероятно, несколько старомодно, опирался на размышления философов, рассматривавших данное чувство как естественное и разумное. При этом любовь Плутарха к родному городу носила вполне деятельный характер. Как и многие люди его круга, он отнюдь не чурался добросовестно исполнять городские должности в захолустной Херонее, где был не только архонтом-эпонимом (Quaest. conv. II. 10. 1; VI. 8. 1), но также, по-видимому, смотрителем за городским благоустройством и строительными работами (τελεαρχία), считая, что нельзя отказываться ни от какой должности, когда народ в законном порядке зовет занять ее, даже если она ниже общественного положения кандидата (Praes. ger. rei publ. 15 = Mor. 811B–C; 17. 813D). Плутарх критикует известных стоиков Зенона, Клеанта и Хрисиппа за то, что они, много писавшие о государственном устройстве и ведении политических дел, сами не исполняли в родных городах должностей, не вносили законы, не выступали в судах, не сражались за отечество, не участвовали в посольствах, не устраивали раздач, но «проводили... жизнь на чужбине³¹, вкусив словно некоего лотоса, покоя среди книг, бесед и прогулок» (De stoic. gerugn. 2 = Mor. 1033B–C; пер. С.С. Аверинцева). Эти мысли херонейского писателя созвучны тем, что высказаны в одном из пассажей Эпиктета, который в качестве сравнения использует противопоставление красивой гостинцы и отечества, в котором надлежит «делать то, что положено гражданину, жениться, рожать детей, занимать установленные должности. Ты ведь явился не для того, чтобы выбрать места на наш взгляд попрекраснее, но для того, чтобы пребывать среди тех, среди которых ты родился и в числе которых назначен гражданином» (Diss. II 23. 36–39; пер. Г.А. Тароняна). Плутарху, очевидно, близок тот идеал, который ставит самоотверженное служение родному полису даже выше родственных привязанностей: опровергая Эсхина, он превозносит как в высшей степени патриотическую позицию Демосфена, который поставил любовь к отечеству выше родственных чувств

³¹ Цитируя данный пассаж, С. С. Аверинцев пишет: «Какое характерное замечание! Какой еще автор римской эпохи был бы способен увидеть в том, что стоические философы жили вне родных полисов, нечто ненормальное?» (Averintsev 1968, 71).

(τὸ φιλόπατρι πρὸς τῆς τῶν ἀναγκαίων συμπαθείας ἐπιδειξάμενον), когда, несмотря на смерть дочери, продолжал исполнять свои государственные обязанности (Plut. Consol. ad Apol. 33 = Mor. 119A)³².

Таким образом, патриотизм для Плутарха заключается прежде всего в заботе об общем благе отечества как на войне, так и в мирных государственных делах, включая материальную помощь согражданам. В то же время, чрезмерное стремление некоторых греков получить сенаторский ранг и занять высокие должности в Риме Плутарх явным образом осуждает (De tranq. anim. 10 = Mor. 470C–D³³; ср. Praes. ger. rei publ. 2 = Mor. 798D), как, впрочем, и подобострастное и своекорыстное стремление некоторых местных деятелей обращаться к римским властям даже в мелких делах (Praes. ger. rei publ. 19 = Mor. 814F–815A). Именно «свойственное ему повышенно серьезное отношение к идеалам партикулярного полисного патриотизма», по верному замечанию С.С. Аверинцева, мешало ему вложить всего себя в то, что было в римскую эпоху «большой политикой»³⁴.

При этом его патриотические чувства, по-видимому, не ограничивались только малой родиной, но распространялись и на Беотию в целом³⁵. Видимо, неслучайно Прокл в схолиях на гесиодовские «Труды и дни» (218) называет его «беотийствующим» (βοιωτιάζων). Во всяком случае, в числе его не сохранившихся трудов известна группа жизнеописаний выдающихся уроженцев Беотии — поэтов Гесиода и Пиндара, киника Кратета, военачальника Дефанта (№ 35–38 в каталоге Ламприя), которые были написаны в энкомиастическом локально-патриотическом духе, возможно, по случаю тех или иных праздничных дат³⁶. Анализ политических трактатов Плутарха, проведенный С. Свейном, показывает, что, с точки зрения Плутарха, представителям греческой городской элиты надлежало не столько стремиться к карьере римско-

³² Ср. Plut. Demosth. 22: «Но если Демосфен свои семейные беды, слезы и сетования оставляет на долю женщин, а сам делает то, что находит полезным для государства, я хвалю его и полагаю свойством и долгом мужественной и созданной для государственных дел души постоянно думать об общем благе, забывать ради него о собственных скорбях и невзгодах» (пер. С. П. Маркиша).

³³ В данном пассаже Плутарх эмоционально заявляет: «Есть, однако, и прочие, хиосцы, галаты или вифинцы, которые остаются недовольными, какая бы мера славы и власти ни выпала на их долю среди собственных сограждан, но стенают из-за того, что не носят патрицианских сапог, а если и носят, то жалуются, что всё еще не римские преторы; став же преторами — что не консулы, а при избрании на консульскую должность — что провозглашены не первыми, но вторыми» (пер. Л. А. Ельницкого).

³⁴ Averintsev 1968, 72.

³⁵ Не исключено, что Плутарх занимал должность беотарха и агонифета (ср. Plut. An seni ger. resp. 4 = Mor. 785C).

³⁶ Geiger 2014, 292.

го сенатора, сколько отдавать все свои силы служению родным полисам³⁷. В целом же Плутарх предстает как убежденный патриот³⁸ и вдумчивый, умеренный и прагматичный общественный деятель, олицетворявший культуру и гуманность³⁹, гордящийся культурным превосходством Эллады и полностью лояльный Риму⁴⁰, в миродержавном господстве которого он, как и другие греческие авторы, видел результат, можно сказать, естественно-исторического процесса⁴¹.

Несмотря на несомненную самобытность своего «мировоззренческого стиля», отличавшего его от современников, и явную анахроничность идеализируемой полисной гражданственности, в таком отношении к родине Плутарх все же был не одинок среди греческих интеллектуалов своей эпохи. В речах его современника Диона Хрисостома, происходившего из вифинской Прусы, вполне определенно выражена классическая точка зрения, согласно которой участие в делах родного города нельзя рассматривать как некую профессию, приносящую конкретные выгоды, потому что это — естественная для свободного человека деятельность и его первичный долг, согласно в том числе и учению стоиков, на которых он ссылается (Or. 47. 2)⁴².

³⁷ Swain 1996, 171. Ср.: Desideri 2012a, 111–124; Desideri, P. 2012b, 125–140.

³⁸ Как справедливо подчеркивал С.С. Аверинцев, «херонейский и вообще беотийский патриотизм — это для Плутарха одновременно и горячее чувство и сознательное убеждение, воздействующее на всю его систему оценок» (Averintsev 1968, 70). О патриотизме Плутарха ср. Renoite 1951, 45–49.

³⁹ Aalders 1982, 65.

⁴⁰ Van der Stockt 2013, 39.

⁴¹ Ср. рассуждения Плутарха в трактате «Об удаче римлян»: «Физики... думают, что тела не стремились соединиться и смешиваться для того, чтобы из них по природе возникла общая форма. Будучи малыми по величине, они блуждали повсюду, скрываясь и убегая от остановок и слияний. Затем, став больше, они начали вступать в страшные схватки друг с другом, отчего возникали смятение, волнения и сотрясения. Всё было наполнено беспорядком, шаткостью и обломками до тех пор, пока земля не приобрела своей величины от соединившихся вместе блуждающих тел и не заняла своего положения, а прочим телам не предоставила места в себе или около себя. Подобно этому огромные державы и царства среди людей по воле случая рушились и сталкивались друг с другом, поскольку никто один не властвовал над всеми, но каждый к этому стремился. Царили невыразимый беспорядок, волнения и разнообразные перемены повсюду, пока Рим не приобрел силы и величия и не присоединил к себе не только ближайшие племена и народы, но и далекие владения правивших за морем царей, не занял места, более всего огражденного от опасностей, и не распространил на круг земель свое владычество и царство мира (εις κόσμον ειρήνης και ένα κύκλον της ηγεμονίας ἀπταύστον περιφερομένης) (Plut. De fortuna Rom. 2 = Mor. 317 A–C; пер. Э. Г. Юнца, Г. П. Чистякова).

⁴² Salmeri 2000, 63.

Приводит он и слова Гомера о том, что нет никакой земли сладостнее отчизны (Hom. Od. IX. 34), когда в речи по случаю присуждения ему почестей в родном городе утверждает, что они для него дороже всего, как и сами соотечественники, и что нет ничего удивительного в том, что он любит такую родину⁴³ и не предпочитает ей великие города Эллады — Афины, Лакедемон или Аргос, хотя они и предлагали ему и свое гражданство, и почетные должности (Or. 44. 1; 6). В другой речи, также обращенной к согражданам, он заявляет, что сам предпочел бы жить в родном городе, несмотря на связанные с этим беспокойство и суету, и готов оказать ему щедрые благодеяния (Or. 45. 3), подобно тому как это делал его дед, потративший на общественные благодеяния все свое состояние, которое потом пришлось восстанавливать преподаванием риторики и за счет поддержки императора (Or. 46. 3–6)⁴⁴. Вместе с тем, Дион убежден, что надлежит заботиться также и о благополучии всего вифинского народа — τοῦ τῶν Βιθυνῶν γένους (Or. 38. 33).

Действительно, характерных примет «Золотого века» Антонинов стало весьма активное участие в общественной жизни греческих полисов на Востоке Римской империи тех интеллектуалов и городских «нотаблей» (часто это были одни и те же лица), которым благодаря своим связям, богатству и происхождению были открыты отличные перспективы всаднической или сенаторской карьеры на императорской службе⁴⁵. Некоторые из них посвящали свои досуги полисным делам и интеллектуальным занятиям уже после того, как состоялась успешная государственная карьера, либо совмещали эти занятия с продвижением по «лестнице почестей» в Риме и провинциях. В их числе можно указать таких известных деятелей и греческих интеллектуалов, как софисты Полемон и Герод Аттик, историк Арриан и другие, в жизни которых подчас очень причудливо сочетались различные привязанности и социокультурные идентичности.

Луций Флавий Арриан (ок. 87 — после 145 г. н.э.), уроженец вифинской Никомедии, в своей жизненной судьбе, казалось бы, следовал совсем другой линии, нежели Плутарх, сделав блестящую сенаторскую карьеру и войдя в близкий круг императора Адриана⁴⁶. Начав службу всадническим офицером

⁴³ В другой речи, обращенной к гражданам Апамен, Дион подчеркивает, что любит свою родину больше всего (τὸ μὲν οὖν φιλεῖν τὴν πατρίδα μάλιστα πάντων οὐκ ἔξαρνός εἰμι), но при этом готов деятельно любить и Апамею, гражданином которой также являлся (Or. 41. 3–4).

⁴⁴ О непростых отношениях Диона с земляками см.: Bekker-Nielsen 2008, 125–131; Fuhrmann 2015, 161–176.

⁴⁵ Salmeri 2000, 58–60, с соответствующими примерами.

⁴⁶ О карьере Арриана см.: Stadter 1980, 1–18; Syme 1982, 181–211; Oliver 1982, 122–129; Madsen 2014b, 101–113.

во время парфянского похода Траяна, он стал консулом-суффектом при Адриане (129 или 130 г. н.э.), до этого был, по всей видимости, наместником Бетики, а затем, в 131–137 гг. н.э., управлял Каппадокией. Выйдя в отставку, он 145/146 г. н.э. избирается архонтом в Афинах (IG II², 2055), в которых и поселился. Известно, однако, что он исполнял жреческие обязанности в родном городе и написал «Историю Вифинии»⁴⁷, которую, по свидетельству Фотия, в предисловии называет «даром своему отечеству» — τῆ πατρίδι δῶρον (Phot. Bibl. 93). Вместе с тем, Арриан, говоря о мотивах, побудивших его обратиться к истории Александра Великого, прямо не упоминает о своей родине, но подчеркивает, что «и отечеством, и родом, и должностью» для него стали его литературные занятия (Agt. Anab. Alex. I. 12. 5). Это значит, что для образованного грека именно *paideia* в широком смысле данного понятия составляла не только важнейший «символический капитал», но и ядро его идентичности и патриотических чувств, которые теперь фактически распространились и на область эллинской культуры. Судя по всему, не меньше, чем своими высокими должностями на императорской службе, Арриан гордился своими достижениями в этой области и именем «Новый Ксенофонт» (Phot. Bibl. 58; Suda. A 3868 Adler), или просто «Ксенофонт», которым сам себя именовал и под которым, видимо, был признан современниками (Agt. Cyn. 16. 6; Disp. contra Alan. 10; 22). Имитируя великого афинского классика, Арриан следовал в русле распространенной в эпоху Империи моды подражания героям славного прошлого, включая даже присвоение их имен⁴⁸.

Служение Музам и просвещению, как и служба императорам и державе, отнюдь не исключали патриотического отношения к своей «малой родине». Один из примеров тому — грамматик Александр из фригийского Котизя, который был наставником будущих императоров Марка Аврелия и Луция Вера (ср. M. Aug. Ad se ipsum. I. 10). В надгробной речи, произнесенной в его честь около 150 г. н.э. Элием Аристидом, подчеркивается, что он « всю свою жизнь творил одно лишь добро и родным, и друзьям, и отечеству, и остальным городам» (пер. С.И. Межеричкой), бескорыстно помогал родному городу, финансируя его лучшие постройки. При этом, по словам оратора, он прославил и свой город, и весь народ Фригии и стал предметом гордости своих сограждан, а его заслуги снискали славу и уважение всему городу (Ael. Arist. Or. 32.5; 15; 17–18; 20 Keil; ср. Dio Chrys. Or. 44. 9). Показательно, что в данном случае мы опять-таки обнаруживаем сочетание патриотизма полисного

⁴⁷ См.: Koulakiotis 2014, P 87–99.

⁴⁸ См.: Swain 1996, 246; Whitmarsh 2001a, 27, n. 120 (с различными мнениями о характере этого имени и литературой вопроса, а также другими примерами). Наиболее известный пример такого рода — присвоение почетного титула «Второй Гомер» афинянину Юлию Никанору (IG II², 1069.6; 3788).

и, так сказать, «областного», а также неотделимость чувства любви к своей родине от родственных и дружеских связей, что вовсе не исключает участия в жизни других полисов.

Еще более значимым примером подобного рода является знаковая фигура «Греческого ренессанса» — Л. Вибуллий Гиппарх Тиберий Клавдий Герод Аттик (101–177 гг. н.э.), афинский плутоkrat, возводивший свою родословную к героям Эакидам, легендарным царям Аттики и полководцам Греко-персидских войн, выдающийся софист, римский сенатор, первым из греков ставший ординарным консулом в 143 г. н.э., и тоже наставник Марка Аврелия и Луция Вера⁴⁹. Он прославился прежде всего как непревзойденный «виртуоз эвергетизма»⁵⁰, чьи роскошные и весьма затратные благодеяния (главным образом в виде постройки и реставрации общественных зданий, включая стадионы, святилища, театры, водопроводы) распространялись не только на сограждан-афинян, но и на другие города, в том числе Олимпию, Дельфы и полисы Малой Азии, а также города Италии. Но все же сердце Герода принадлежало Аттике: он завещал похоронить себя в Марафоне, в своем родном и, несомненно, искренне любимом деме, принадлежность к которому он неизменно подчеркивал⁵¹. Правда, афиняне вопреки его последней воле устроили его торжественное погребение в Афинах, рядом с Панафинейским стадионом (Philostr. VS. II. 1. 37. 566). Если верно прочтение надписи на алтаре, посвященном недалеко от могилы Герода, его даже отождествляли с марафонским героем; эта надпись гласит: «Героду, герою Марафона» (IG II² 6791: Ε[ρωδῆι] ἔρωι τῶι Μαραθῶνιῳ)⁵². Интересное открытие было сделано в ходе раскопок Геродовой виллы в Луку (Loukou) на востоке Пелопоннеса: здесь была найдена стела с эпитафией и списком афинян, павших в Марафонской бит-

⁴⁹ О биографии, благотворительной и творческой деятельности Герода см.: Ameling 1983; Tobin 1997; Galli 2002.

⁵⁰ Выражение П. Вейна (Veyne 1990, 149).

⁵¹ Во многих надписях Герод именуется Μαραθῶνιος. Об особой его привязанности к Марафону свидетельствуют не только построенная здесь вилла, но и те многочисленные посвящения и благодеяния, которые он осуществлял в этом деме (см.: Tobin 1997, 241–283; Galli 2002, 178–203). В одной из стихотворных надписей Герод приветствуется от лица родного Марафона (IG II² 3606; см.: Skenterī 2005, 84–110). М. Юнг называет такое демонстративное отношение Герода к Марафону Selbstinszenierung, проявлявшейся и в его облике, и в стиле жизни, в котором он подражал афинянам V в. до н.э., подчеркивая свои связи с предками, победившими персов (Jung 2006, 221–222). По мнению В. Амелинга, Герод, по сути дела, возродил Марафон, опустевший в I в. н.э., и придал новое значение памяти о знаменитом сражении (Ameling 2013, 167–185).

⁵² Proietti 2013a, 110–112. Об обстоятельствах и символике погребения Герода см.: Rife 2008, 92–127.

ве (polyandria), которая, скорее всего, является копией более позднего времени, но явно указывает на увлечение Герода Аттика марафонской тематикой⁵³. При нем Афины переживали расцвет и как «университетский» город, и как город-музей. Приверженность же Герода аттицизму, ревностным протагонистом которого он всегда был, тоже может рассматриваться как одна из форм его афинского и эллинского патриотизма⁵⁴. Более того, несмотря на временами очень непростые отношения с согражданами-афинянами⁵⁵, именно такие люди, как Герод (чьё имя, возможно, стало нарицательным для обозначения щедрого эвергета⁵⁶), соединяли мир римской власти и мир греческой культуры⁵⁷. Так или иначе, Герода Аттика вряд ли можно отнести к той категории богатей, которые, как говорил еще Лисий (31. 6), считают своим отечеством не полис, а богатство. Другое дело, что в условиях Римской империи для столь выдающихся своим богатством, политической и интеллектуальной деятельностью людей, как Герод, отечество не ограничивалось одним только полисом, при всей его привязанности к родному городу и дему.

Некоторые из эллинов вообще предпочитали служить своему призванию и родному городу, не прельщаясь карьерой на императорской службе или при дворе. В их числе можно назвать известного софиста Марка Антония Полемона (ок. 88–144 гг. н.э.), который родился в карийской Лаодикее, но, хотя и не забывал родного города, был непосредственно связан со Смирной, где имел риторическую школу и удостаивался всевозможных почестей, брал на себя различные обязанности (включая почетные должности и участие в посольствах к императору). При этом, несмотря на происхождение из понтийского царского рода, в котором были консулы, и на личное знакомство с императорами, Полемон не стремился стать сенатором и сделать карьеру на римской службе (Philostr. VS. I. 25. 530–532; 543–544)⁵⁸. Любопытно, что сын

⁵³ См.: Proietti 2013a, 97–117 (с литературой вопроса); Proietti 2013b, 24–30.

⁵⁴ Graindor 1930, 154.

⁵⁵ Достаточно вспомнить историю с завещанием отца Герода. Афиняне договорились с Геродом, что сразу получат от него по пять мин на каждого в обмен на то, что в дальнейшем он ничего не будет им выплачивать. Когда же они пришли за оговоренными деньгами, им были зачитаны обязательства их отцов и дедов, задолжавших родителям Герода, соответствующие суммы вычитались, и в итоге одни получили совсем немного, другие ничего, а третьих задерживали на площади как должников. За это афиняне возненавидели Герода (Philostr. VS. II. 1. 5–6. 549–550).

⁵⁶ Об этом может свидетельствовать надпись из писидийского Термессоса в честь Марка Аврелия Платона, который восхваляется за вклад в поддержание местного гимназия и именуется «Новым Геродом», вероятно, в память о Героде Аттике (ТAM III. 1, 123).

⁵⁷ См.: Côté 2010.

⁵⁸ О нем см.: Puech 2002, 396–406; Quet 2003, 401–444.

Полемона, М. Антоний Аттал, унаследовал двойное гражданство отца; и на бронзовых монетах, выпущенных под его именем в правление Марка Аврелия, изображены божества-хранители обоих городов: Зевс — Лаодикеи и Немесида — Смирны, а легенда гласит: Ἄτταλος σοφιστῆς ταῖς πατρίσι Σμύρ(να) (καὶ) Λαοδικεία — «софист Аттал (своим) отечествам Смирне и Лаодикее»⁵⁹.

Не останавливаясь на проблеме множественного гражданства в эпоху империи, отметим, что оно действительно получает широкое распространение среди городских элит, включая философов, риториков, артистов и атлетов, к славе которых стремились прибегнуть многие полисы, наделяя их своим гражданством в качестве почести⁶⁰. Дион Хрисостом имел гражданство в нескольких городах, в том числе Никомедии, Апамеи, Мирлеи (Dio Chrys. Or. 41. 2)⁶¹. Знаменитый панкратист М. Аврелий Дамастрат Дамас удостоился гражданских прав в 16 городах (I.Sardis 79)⁶². Некий же Гай Юлий Лонгиан из Афродисиады был удостоен в одном из полисов (вероятно, в Галикарнассе) гражданства как «лучший поэт нашего поколения» — ποιητὴν τὸν ἄριστον τῶν καθ' ἡμᾶς (MAMA VIII, 418 = I.Aph2007, 12.27; v. 8–9)⁶³. При этом, судя по данным эпиграфики, обладание гражданством в нескольких городах, по всей видимости, не обесценивало и не ослабляло уз между новым гражданином и его подлинной родиной; многие надписи подчеркивают патриотизм атлетов и актеров, их заботу о своих родных городах⁶⁴. От таких новых граждан в другом полисе ожидалось такое же ревностное служение, как в родном городе⁶⁵. Так, некий Эмилиий Зосим, прибывший молодым человеком в Приену в качестве ксена, был наделен здесь гражданством, стал щедрым эвергетом и восхваляется в одном из декретов как человек, который «любит город как свою родину и проявляет преданность коренного гражданина»⁶⁶. В Дельфах в начале I в. н.э. почестями, в том числе и гражданством, был отмечен ритор Артемидор из каппадокийской Масаки, который также был гражданином Афин: в тексте декрета подчеркивается его благорасположение к Аполлону Пифий-

⁵⁹ Howgego, Neuchert, Yarrow 2005, 284–288, 290–291, 2943; Puech 2002, 156.

⁶⁰ См. материалы международного коллоквиума, специально посвященного этой теме: Heller, Pont 2012, прежде всего: Heller 2012, 285–308.

⁶¹ Jones 2012, 213–219.

⁶² Подробнее: Strasser 2003, 251–299.

⁶³ Ср.: Robert 1965, 173–174.

⁶⁴ van Nijf 2012, 82.

⁶⁵ Jones 2012, 219.

⁶⁶ I.Priene 112, v. 16–17: геньмен[пт дьгм]бфй рплеЯфзт пок ѓкбсрпн фһн фһт фймһт дЭдейчен ѓмпивЮн, уфЭсобрт мѐн фһн рьлин ѓ[т рбфсЯ]дб, гнзуйпх дѐ рбсчьменпт рплЯфпх кземпнЯбн.

скому и Дельфам и говорится, что он содействовал просвещению и красноречию, всегда проявлял ко всем гражданам такое же великодушие, «как по отношению к своему отечеству и (собственным) согражданам»⁶⁷. Во многих случаях предоставление гражданства в другом городе и/или включение в состав городского совета было честью за оказанные услуги, например, поставки зерна⁶⁸, либо же приобреталось за деньги (ср. Dio Chrys. Or. 34. 23; Plin. Ep. X. 39. 5; 112. 1–3). Так или иначе, наличие двух и более гражданств не исключало ни преданности родному городу, ни возможности питать патриотические чувства к дополнительной «родине»⁶⁹.

* * *

Отдавая себе отчет в известной односторонности литературных источников, следует признать, что как в общих рассуждениях о любви к отечеству, так и в индивидуальных биографических фактах и самохарактеристиках греческих авторов эпохи Империи вполне определенно присутствует патриотизм, так сказать, полисного типа, который выражался в привязанности к родному городу, в следовании его гражданским традициям и который вполне органически сочетался с патриотическими чувствами по отношению к более широкой общности или к другим городам и не противоречил успешной карьере на общеимперском уровне. В политических реалиях Римской империи этот патриотизм находил реализацию в исполнении гражданских обязанностей, литургий и актов эвергетизма. Он утратил свойственный патриотизму классической эпохи акцент на первенстве общегражданских целей над частными интересами, на самопожертвовании и воинских ценностях, которые теперь замещаются ценностями культурными⁷⁰. Главными выразителями и проводниками этого патриотизма были городские аристократы. Как показал в свое время П. Вейн, именно им, в силу их социального и материального превосходства, фактически принадлежали города; они конвертировали это превосходство в обязанность и доктрину, считая себя незаменимыми в деле защиты общественных ценностей, в том числе и патриотических; при этом локальная автономия, в свою очередь, служила бастионом их привилегированного социального статуса⁷¹. В то же время Вейн считает, что для характеристики разного рода благодетелей и покровителей, которые городские верхи оказывали своим согражданам, термин «патриотизм» не совсем подходит⁷², ибо «очень

⁶⁷ FD III.4, 59, v. 3–9: φιλοτι<μού>μεν[ος] δὲ διὰ παντὸς ὡς ὑπὲρ ἰδίας πατρίδος καὶ πολιτῶν.

⁶⁸ Robert 1981, 338–361.

⁶⁹ Ср.: Heller 2012, 308.

⁷⁰ Ср.: Lafond 2006, 42–49.

⁷¹ Veyne 1990, 44, 88 ff.

⁷² Veyne 1990, 108.

разные корабли ходят под флагом патриотизма»: с одной стороны, есть отношение члена правящей группы, который отождествляет себя с величием отечества и черпает свою личную гордость в живом национализме греческих городов; а с другой стороны, существует понятие «мы», т. е. чувство общности, которое могут иметь все граждане, независимо от их социального статуса. Традиционный греческий патриотизм — это патриотизм добропорядочного гражданина, равного среди равных, отличающегося от остальных только большей степенью преданности общему благу. Эвергеты же патриотичны на собственный манер, как «отцы народа», ответственные за него и весьма чувствительные к национальной гордости, но, оказывая beneficia, они выступают не как составная часть общего «мы», а именно как «нотабли», «большие люди», которые относятся к массе сограждан как к своей семье и любят их не меньше, чем контролируют, действуя по принципу *notabilité oblige*. Тем не менее это тоже вариант патриотизма⁷³. И в этой трансформации правомерно видеть принципиальные отличия греческого патриотизма эпохи Империи от полисного патриотизма классической Греции. Не следует забывать, что патриотизм городских нотаблей был связан с борьбой за престиж и честь (φιλοτιμία), а также за влияние и распоряжение городскими ресурсами, а в этой сфере подчас дело не обошлось без серьезных злоупотреблений, о чем, в частности, свидетельствует переписка Плиния Младшего с императором Траяном (Plin. Ep. X. 17A. 3–4; 18. 3; 38)⁷⁴; и императорам приходилось принимать административные меры для контроля за ситуацией, в частности, через посредство разного рода попечителей — *curatores (rei publicae / civitatis, ad corrigendum statum civitatum)*, которые появляются со времени Флавиев и призваны были следить прежде всего за состоянием городских финансов⁷⁵. От благорасположения императорской власти теперь зависели почести и престиж отдельных городских общин, и это ощущение ограниченности полисной самостоятельности подспудно или явно присутствует в суждениях греческих интеллектуалов, писавших о любви к «малой родине».

⁷³ Veyne 1990, 109–110.

⁷⁴ В свою бытность наместником Киликии с проблемой расхищения городских средств местными должностными лицами столкнулся Цицерон, который, однако, не стал прибегать к жестким мерам, ограничившись тем, что похищенные суммы были возвращены в городскую казну (Cic. Fam. III. 8. 5; Att. VI. 2. 5).

⁷⁵ См.: Kornemann 1901, 1805–1812.

Литература / References

- Aalders, G. J. D. 1982: *Plutarch's Political Thought*. Amsterdam; Oxford; New York.
- Amato, E. 2000: Favorino, sul 'proprio' esilio. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 133, 43–50.
- Amato, E. 2003: Ancora sull'esilio di Favorino. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 144, 101–104.
- Ameling, W. 1983: *Herodes Atticus: I. Biographie. II. Inschriftenkatalog*. Hildesheim.
- Ameling, W. 2013: Marathon, Herodes Atticus, and the Second Sophistic. In: Buraselis, E., Koulakiotis, E. (eds). *Marathon the Day After: Symposium Proceedings, Delphi 2–4 July 2010*. Athens. 167–185.
- Ando, C. 2000: *Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire*. Berkeley.
- Averintsev, S. S. 1968: [Towards the understanding of Plutarch's world-view style]. *Vestnik drevnej istorii [Journal of Ancient History]* 2, 59–78.
Аверинцев, С. С. К пониманию мировоззренческого стиля Плутарха. *ВДИ* 2, 59–78.
- Bekker-Nielsen, T. 2008: *Urban Life and Local Politics in Roman Bithynia. The Small World of Dion Chrysostomos*. Aarhus.
- Bompaire, J. (trans., ed.) 1998: *Lucien. Œuvres. T. II: Opusculs 11–20*. Paris.
- Bowie, E. 1997: Hadrian, Favorinus and Plutarch. In: Mossman, J. (ed.). *Plutarch and his Intellectual World*. London.
- Chroust, A.-H. 1954: Treason and Patriotism in Ancient Greece. *Journal of the History of Ideas* 15, 2, 280–288.
- Côté, D. 2010: Sophistique et pouvoir chez Philostrate. *Cahiers des études anciennes* 47, 475–502 (<http://etudesanciennes.revues.org/157>).
- Desideri, P. 2012a: La vita politica cittadina nell'Impero: lettura dei Praecepta gerendae rei publicae e dell' An seni res publica gerenda sit. In: Desideri, P., Casanova, A. (ed.). *Saggi su Plutarco e la sua fortuna*. Firenze, 111–124.
- Desideri, P. 2012b: Greek Poleis and the Roman Empire: Nature and Features of Political Virtues in an Autocratic System. In: Desideri, P., Casanova, A. (ed.). *Saggi su Plutarco e la sua fortuna*. Firenze, 125–140.
- Eckhard, S. 2002: *Honorationen, Griechen, Polisbürger: kollektive Identitäten innerhalb der Obersicht des kaiserzeitlichen Kleinasien*. Göttingen.
- Frolov, E. D. 2009: [To the problem of national identity in the ancient world: the concept of Hellenism in the Greek literature of the classical era]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 2: Istoriya [Herald of the St.-Petersburg State University. Series 2: History]*, 3, 53–59.
Фролов, Э. Д. К проблеме национальной идентичности в античном мире: концепция эллинизма в греческой литературе классической эпохи. *Вестник СПбГУ. Серия 2: история*, 3, 53–59.
- Fündling, J. 2014: Griechenlands Identitäten in den Grenzen des Prinzipats. Ein Ausblick auf Rahmenbedeutungen und Probleme. In: Feitag, K., Michel, C. (eds). *Athen und/oder Alexandria?: Aspekte von Identität und Ethnizität im hellenistischen Griechenland*. Köln; Weimar; Wien, 210–294.

- Fuhrmann, C. J. 2015: Dio Chrysostom as a Local Politician: A Critical Reappraisal. In: Brice, L. L., Slootjes, D. (eds). *Aspects of Ancient Institutions and Geography. Studies in Honour of Richard J. A. Talbert*. Leiden; Boston, 161–176.
- Galli, M. 2002: *Die Lebenswelt eines Sophisten. Untersuchungen zu den Bauten und Stiftungen des Herodes Atticus*. Mainz am Rhein.
- Gardner, A., Herring, E., Lomas, K. (eds). *Creating Ethnicities and Identities in the Roman World*. London.
- Gascy, F. 1998: El Elogio de la patria de Luciano de Samysata. In: Mangas, J., Alvar, J. (eds). *Homenaje a D. J. M. Blázquez*, 3. Madrid, 47–50.
- Gassino, I. 2009: Lucien, écrivain grec et Syrien romanisé. In: Marein, M.-F., Gallego, J., Voisin, P. (eds). *Figures de l'étranger autour de la Méditerranée antique*. Paris, 551–559.
- Geiger, J. 2014: The Project of the Parallel Lives. Plutarch's Conception of Biography. In: Beck, M. (ed.). *A Companion to Plutarch*. Malden; Oxford; Chichester, 292–303.
- Gleason, M. W. 1995: *Making Men. Sophists and Self-Presentation in Ancient Rome*. Princeton.
- Goldhill, S. (ed.). 2001: *Being Greek under Rome. Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of Empire*. Cambridge.
- Graindor, P. 1930: *Un milliardaire antique: Hérodote Atticus et sa famille*. Cairo.
- Ostenfeld, E. N. (ed.). 2002: *Greek Romans and Roman Greeks*. Aarhus
- Heller, A. 2009: La cité grecque d'époque impériale: vers une société d'ordres? *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, mars-avril, 341–373.
- Heller, A. 2012: Grands notables et petites patries en Asie. In: Heller, A., Pont, A.-V. (eds). *Patrie d'origine et patries électives. Les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine, Actes du colloque international de Tours (6–7 novembre 2009)*. Bordeaux, 285–308.
- Heller, A., Pont, A.-V. (eds). 2012: *Patrie d'origine et patries électives. Les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine, Actes du colloque international de Tours (6–7 novembre 2009)*. Bordeaux.
- Holford-Strevens, L. 1997: Favorinus: the Man of Paradoxes. In: Barnes, J., Griffin, M. (eds). *Philosophia Togata II: Plato and Aristotle at Rome*. Oxford, 188–217.
- Howgego, C., Heuchert, V., Yarrow, L. M. 2005: *Roman Provincial Coinage Online*. Oxford
- Jones, C. P. 1971: *Plutarch and Rome*. Oxford (<http://rpc.ashmus.ox.ac.uk/>).
- Jones, C. P. 2004: Multiple identities in the age of the Second Sophistic. In: Borg B. E. (ed.). *Paideia: The World of the Second Sophistic*. Berlin; New York, 13–21.
- Jones, C. P. 2012: Joys and Sorrows of Multiple Citizenship: The Case of Dio Chrysostom. In: Heller, A., Pont, A.-V. (eds). *Patrie d'origine et patries électives. Les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine, Actes du colloque international de Tours (6–7 novembre 2009)*. Bordeaux, 213–219.
- Jung, M. 2006: *Marathon und Plataiai. Zwei Perserschlachten als "lieux de mémoire" in antiken Griechenland*. Göttingen.
- Karpyuk, S. G. 2010: [The two patriotisms in Thukidides' History]. *Vestnik RGGU [The Herald of the Russian State Humanitarian University]* 10(53), 101–116.
- Карпюк, С. Г. Два патриотизма в «Истории» Фукидида. *Вестник РГГУ* 10(53), 101–116.

- Karpyuk, S. G. 2014a: [Xenophon's View on patriotism]. *Mnemón* 14, 347–356.
 Карпюк, С. Г. Взгляды Ксенофонта на патриотизм. *Мнемон* 14, 347–356.
- Karpyuk, S. G. 2014b: [Patriotism in the writings of Thukidides and Xenophon]. In: *Universitetskie gumanitarnye studii [University studies in humanities]*. Kiev, 1–11.
 Карпюк, С. Г. Патриотизм в сочинениях Фукидида и Ксенофонта. В сб.: Университетские гуманитарные студии. Киев, 1–11.
- Kokkinia, C. 2000: *Die Opramoas-Inschrift von Rhodiapolis. Euergetismus und soziale Elite in Lykien*. Bonn.
- Kokkinia, C. 2012: Opramoas' citizenships: The Lycian politeuomenos-formula. In: Heller, A., Pont, A.-V. (eds). *Patrie d'origine et patries électives. Les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine, Actes du colloque international de Tours (6–7 novembre 2009)*. Bordeaux, 327–340.
- Koulakiotis, E. 2014: Arrien et la mémoire historique et religieuse de Nicomédie. *Ktéma, Civilisations de L'Orient, de la Grèce et de Rome Antiques* 39, 87–99.
- Kornemann, E. 1901: Curatores. In: *RE*. 4. Stuttgart, 1774–1813.
- Lafond, Y. 2006: *La mémoire des cités dans le Péloponnèse de l'époque romaine (IIe siècle avant J.-C.–IIIe siècle après J.-C.)*. Rennes.
- Le Roux, P. 2002: L'amor patriae dans les cités sous l'empire romain. In: Inglebert H. (ed.). *Les idéologies civiques dans le monde romain. Hommage à Claude Lepelley*. Paris, 143–161.
- Madsen, J. M. 2009: *Eager to be Roman: Greek Response to Roman Rule in Pontus and Bithynia*. London.
- Madsen, J. M. 2014a: Patriotism and Ambitions: Intellectual Response to Roman Rule in the High Empire. In: Madsen, J. M., Rees, R. (eds). *Roman Rule in Greek and Latin Writing: Double Vision*. Leiden, 16–38.
- Madsen, J. M. 2014b: Flavius Arrianus of Nicomedia: Ambitious Roman and Patriotic Greek. *Ktéma, Civilisations de L'Orient, de la Grèce et de Rome Antiques* 39, 101–113.
- Nesselrath, H.-G. 2007: Later Greek Voices on the Predicament of Exile: from Teles to Plutarch and Favorinus. In: Gaertner, J. F. (ed.). *Writing Exile: The Discourse of Displacement in Greco-Roman Antiquity and Beyond*. Leiden; Boston, 87–108.
- Oliver, J. H. 1982: Arrian in Two Roles. In: *Hesperia Supplements. Vol. 19. Studies in Attic Epigraphy, History and Topography*. 122–129.
- Pernot, L. 1993: *La rhétorique d'éloge dans le monde gréco-romain. Vol. 1–2*. Paris.
- Philippson, R. 1933: Hierokles der Stoiker. *Rheinisches Museum* 82, 97–114.
- Proietti, G. 2013: La memoria delle guerre persiane in età imperiale. Il classicismo di Erode Attico e la «stele dei Maratonomachi». *Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Orient, Serie III* 90, 97–117.
- Proietti, G. 2013: The Marathon epitaph from Eua-Loukou: some notes about its text and historical context. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 185, 24–30.
- Puech, B. 2002: *Orateurs et sophistes dans les inscriptions d'époque impériale*. Paris.
- Quass, F. 1993: *Die Honoratiorenschicht in der Städten des griechischen Ostens*. Stuttgart.
- Quet, M.-H. 2003: Le sophiste M. Antonius Polémon de Laodicée, éminente personnalité politique de l'Asie romaine du II siècle. In: Cèbeillac-Gervasoni, M., Lamoine, L. (eds). *Les élites et leurs facettes: les élites locales dans le monde hellénistique et romain*. Rome, 401–444.

- Raja, R. 2012: *Urban Development and Regional Identity in the Eastern Roman Provinces, 50 BC–AD 250: Aphrodisias, Ephesos, Athens, Gerasa*. Copenhagen.
- Ramelli, I. 2009: *Hierocles the Stoic: Elements of Ethics, Fragments and Excerpts*. Atlanta.
- Renoitre, T. 1951: *Les "Conseils politiques" de Plutarque. Une lettre ouverte aux Grecs à l'époque de Trajan*. Louvain.
- Rife, J. L. 2008: The Burial of Herodes Atticus: Élite Identity, Urban Society, and Public Memory in Roman Greece. *Journal of Hellenic Studies* 128, 92–127.
- Rizakis, A. 2015: The Greek Ruling Class under the Empire: A Privileged Mediator between Rome and the Cities. *Kodai. Journal of Ancient History* 16, 143–159.
- Robert, L. 1965: *Hellenica, XIII. D'Aphrodisias a la Lycaonie, Compte rendu du volume VIII des Monumenta Asiae Minoris Antiqua*. Paris.
- Robert, L. 1981: Une épigramme satirique d'Automedon et Athenes au debut de l'Empire. Anthologie Palatine XI 319. *Revue des Études Grecques* 94, 338–361.
- Salmeri, G. 2000: Dio, Rome, and the Civic Life of Asia Minor. In: Swain S. (ed.). *Dio Chrysostom: Politics, Letters and Philosophy*. Oxford, 53–92.
- Sánchez Hernández, J. P. 2009: Luciano de Samósata y la política griega del s. II d.C. (A propósito del Encomio de la Patria). *Cuadrenos de Filología Clásica. Estudios griegos e indoeuropeos* 19, 163–181.
- Schmitz, Th. A., Wiater, N. (eds). 2011: *The Struggle for Identity: Greeks and their Past in the First Century BCE*. Stuttgart.
- Sébillotte, V. 1999: La patrie grecque: essai d'interprétation. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 10, 7–25.
- Sebillotte Cuchet, V. 2006a: Affectif et politique: la question de l'attachement individuel à la cité. *Revue des Études Anciennes* 108.1, 115–132.
- Sebillotte Cuchet, V. 2006b: *Libérez la patrie! Patriotisme et politique en Grèce ancienne*. Paris.
- Skenteri, F. 2005: *Herodes Atticus reflected in occasional poetry of Antonine Athens*. Lund; Stockholm.
- Stadter, P. A. 1980: *Arrian of Nicomedia*. Chapel Hill.
- Stadter, P. A. 2014: Plutarch and Rome. In: Beck M. (ed.). *A Companion to Plutarch*. Malden; Oxford; Chichester, 13–31.
- Strasser, J.-Y. 2003: La carrière du pancratiaste Markos Aurélios Dimostratos Damas. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 127, 251–299.
- Swain, S. 1996: *Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World AD 50–250*. Oxford.
- Swain, S. 2007: The Three Faces of Lucian. In: Ligota, C., Panizza, L. *Lucian of Samosata Vivus et Redivivus*. London, 18–44.
- Syme, R. 1982: The Career of Arrian. *Harvard Studies in Classical Philology* 86, 181–211.
- Tobin, J. 1997: *Herodes Attikos and the City of Athens: Patronage and Conflict under the Antonines*. Amsterdam.
- Tumans, Kh. 2012: [How many patriotisms were there in the Ancient Greece?]. *Studia historica* 12, 3–32 (in Russian).
- Туманс, Х. Сколько патриотизмов было в Древней Греции? *Studia historica* 12, 3–32.

- Van der Stockt, L. 2013: Loyalty divided or doubled? Plutarch's Hellenism saluting Rome. In: *Les Grecs héritiers des Romains*. Vandœuvres; Genève, 15–56.
- van Nijf, O. M. 2012: Political Games. In: Coleman, K., Nelis-Clément, J., Ducrey, P. (eds). *L'organisation des spectacles dans le monde romain*. Vandœuvres; Genève, 47–95.
- van Nijf, O. M. 2014: Affective Politics: The Emotional Regime in the Imperial Greek City // Unveiling Emotions II: Emotions in Greece and Rome: Texts, Images, Material Culture / Ed. A. Chaniotis, P. Ducrey. Stuttgart, 351–368.
- Veyne, P. 1990: *Bread and Circuses. Historical Sociology and Political Pluralism*. London.
- Veyne, P., 1999: L'identité grecque devant Rome et l'empereur. *Revue des Études Grecques* 112, 510–567.
- Von Arnim, H. F. A., Schubart, W. (eds). 1906: *Ethische Elementarlehre (Papyrus 9780): Nebst den bei Stobaios erhaltenen ethischen Exzerpten aus Hierokles*. Berlin.
- Whitmarsh, T. 2001a: *Greek Literature and the Roman Empire. The Politics of Imitation*. Oxford.
- Whitmarsh, T. 2001b: “Greece is the World”: exile and identity in the Second Sophistic. In: Goldhill, S. (ed.). *Being Greek under Rome. Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of Empire*. Cambridge, 269–305.
- Whitmarsh, T. (ed.) 2010: *Local Knowledge and Microidentities in the Imperial Greek World. Greek Culture in the Roman World*. Cambridge; New York.
- Wilhelm, F. 1928: Zu Lukianos' ρβφςίδπτ έγκώμϊπν. *Rheinisches Museum* 77, 396–416.
- Woolf, G. 1994: Becoming Roman, Staying Greek: Culture, Identity and the Civilizing Process in the Roman East. *Proceeding of the Cambridge Philological Society* 40, 116–143.
- Yildirim, B. 2004: Identities and empire: Local mythology and the self-representation of Aphrodisias. In: Borg B. E. (ed.). *Paideia: The World of the Second Sophistic*. Berlin; New York, 23–52.

